

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

УДК 159.9.01

Субъектная реальность как новая парадигма психологии

Г. С. Прыгин

Прыгин Геннадий Самуилович, доктор психологических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Набережночелнинский государственный педагогический университет, Республика Татарстан, gspryggin@mail.ru

Цель работы – теоретически обосновать один из возможных путей выхода классической психологии из методологического кризиса, опираясь на принципиально новую парадигму, позволяющую создать целостную концепцию психологии. Отмечается, что в последние десятилетия все больше ученых, работающих в разных научных областях, обращаясь к феномену существования человека, задаются вопросами, что такое реальность, в какой реальности живет человек, существует ли «предельная реальность» и как все эти понятия связаны между собой. Ответы на эти вопросы предполагают построение философских и психологических рассуждений о «реальности». В качестве такой методологической парадигмы рассматривается концепция реальности С. Л. Франка, позволяющая, оставаясь в рамках научных методов, дать объяснение тем психическим феноменам, которые до сих пор не может объяснить современная классическая психология. Основываясь на этой концепции, вводится понятие «субъектная реальность», под которой понимается та форма (живой) реальности, через которую жизнь познает сама себя. Показано, что в лице субъектной реальности человек, выходя за пределы объективной действительности, открывает совершенно новое измерение бытия. По сути, субъектная реальность представляет собой нашу «самость», наше подлинное «самосознание». Обсуждаются понятия «душевных» и «духовных» явлений и подчеркивается необходимость их различения. Вводятся и обсуждаются новые понятия субъекта: «субъект как носитель реальности» и «субъект как активный наблюдатель». Выдвигается гипотеза о наличии двух видов субъектности – «внешней» и «внутренней». «Внутренняя» субъектность определяется как переживания и духовные движения, которые человек осознает как возникающие изнутри, из глубин его «я», и направленные на активное познание той сущей для него реальности, которую он и называет своим «я» («самосознанием», «самостью»). Соответственно, «внешняя» субъектность – это те переживания и душевные движения, которые направлены на активное познание внешней для него объективной действительности. При этом «внутренняя» субъектность соотносится с ипостасью «субъекта как носителя реальности», а «внешняя» – с ипостасью «субъекта как активного наблюдателя».

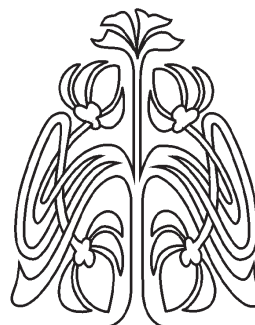
Ключевые слова: субъектная реальность, объективная действительность, субъект как носитель реальности, субъект как активный наблюдатель, душевные явления, духовные явления, внутренняя субъектность, внешняя субъектность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-217-229>

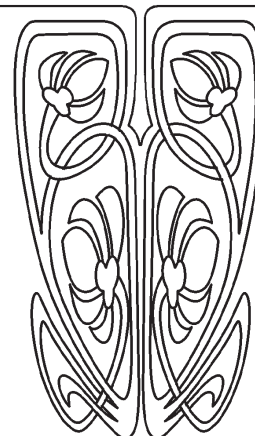
Любой кризис начинается с сомнения
в парадигме и последующего расшатывания
правил нормального исследования.
Т. Кун. Структура научных революций

Введение

Работ, посвященных существующему уже в течение почти ста лет методологическому кризису классической психологии, чрезвычайно много, и поскольку целью данной статьи не является в очередной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

раз акцентировать эту проблему, не имеет смысла (времени и места) перечислять всех философов и психологов, предлагавших (увы, пока безуспешно) свои пути решения этой проблемы. Очевидно, что это связано еще и с тем, что, как совершенно правильно отмечает А. П. Супрун с соавторами, «характерная черта научных работ, претендующих на статус методологических, – указание недостатков современных теорий и вопросов, на которых *нет ответов в существующих парадигмах* (здесь и далее курсив мой. – Г. П.). При этом чаще используется стратегия дальнейшего “развития блестящих традиций”, чем пересмотр базовых аксиом и оснований “богатого наследия”. Этот путь нередко называют “иронической наукой”, которая предлагает точки зрения и мнения, которые в лучшем случае являются интересными, но не дают никаких перспектив в развитии теории. *Подобная традиция не способна пересматривать базовое описание реальности*» [1, с. 11–12].

Вместе с тем здесь нельзя не упомянуть работы некоторых современных отечественных психологов, высказывавших идеи, созвучные содержанию предлагаемой статьи, к которым можно отнести А. Г. Асмолова [2], В. П. Зинченко [3], В. В. Козлова [4], В. А. Мазилова [5, 6], В. Ф. Петренко [7], А. П. Супруна [1] и др.

В ряде работ этих ученых в качестве главной причины существующего методологического кризиса в психологии указывается отсутствие четкого общепризнанного предмета психологии. В частности, В. П. Зинченко пишет: «...сама психология как наука не может похвастаться строгостью определения своего собственного предмета... Встречается безразмерное очерчивание предметной области изучения психологии, в которую частично попадают более или менее далекие науки, называемые смежными... Наконец, встречается и неоправданное сужение предмета психологии, например когда в качестве такового выделяется отождествляемая с психикой ориентировочная функция различных форм деятельности» [3, с. 207–208]. При этом он сам полагает, что предметом психологии может быть сознание, несмотря на все трудности междисциплинарного и междисциплинарного его исследования, связанные с необходимостью преодоления оппозиции сознания и материи.

В. А. Мазилов также отмечает, что «причины различных симптомов кризиса психологии коренятся в узком понимании ее предмета, что препятствует осуществлению интегративных процессов, в которых так нуждается психология в начале XXI века» [5, с. 23]. Саму же интеграцию психологического знания он предлагает начать с разработки нового подхода к предмету психологической науки, с нахождения в истории психологии образцов такого его понимания, которые в большей мере будут соответствовать задачам сегодняшнего дня [5].

Цель работы – предложить возможный путь выхода из кризиса, опираясь на принципиально новую парадигму, позволяющую создать целостную концепцию психологии. Однако следует задаться вопросом: ради чего необходимо менять в существующей психологической науке парадигму? Ответ на этот вопрос одновременно и простой, и сложный – ради того, чтобы вернуть «науке о душе» – психологии – душу. Попытаюсь обосновать этот ответ, не вдаваясь, естественно, в описание и дефиницию этого понятия (поскольку хорошо известно, что все попытки дать определения души, увы, тщетны!). Я буду употреблять здесь этот термин как некий конструкт, по мере изложения материала статьи наполняя его некоторым содержанием и смыслом.

Итак, как отмечает В. А. Мазилов, «... самый сложный объект – человеческая душа – вполне заслуживает особого отношения, собственной научной парадигмы, отвечающей специфике ее объекта. Ибо психология – знание о наиболее возвышенном и удивительном» [6, с. 172].

Действительно, сложилась парадоксальная ситуация: если спросить любого человека, есть ли у него душа, то почти наверняка мы получим утвердительный ответ вне зависимости от того, относит ли он себя к какой-то религии или является атеистом. В то же время в науке, которая провозгласила себя «наукой о душе», эта самая душа и как категория, и как предмет исследования полностью отсутствует – ее заменяет нечто «психическое» (не совсем корректно определенное).

Несмотря на это, по моему глубокому убеждению, *душа как исходная отправная объединяющая точка должна лежать во всех психологических исследованиях* (или по крайней мере имплицитно учитываться при создании любой психологической теории). Именно для этого и требуется смена парадигмы, причем необходимо помнить, что «... новая парадигма должна обещать сохранение в значительной мере реальной способности решения проблемы, которая накопилась в науке благодаря предшествующим парадигмам. Новизна ради новизны не является целью науки, как это бывает во многих других творческих областях» [8, с. 222].

Другими словами, новая парадигма должна содержать в себе все подходы, характерные как для классических исследований, так и для тех, которые на современном этапе относятся к нетрадиционным, «парапсихологическим». В частности, в рамках существующей (материалистической) парадигмы и построенной на ее основе методологии не только невозможно проникнуть в суть таких принципиально важных для психологии (и философии) понятий, как сознание, бессознательное, психическое и другие, но также нельзя найти каких-либо вразумительных объяснений безусловно существующим «парапсихологиче-

ским» феноменам (возьмем, к примеру, феномен синхронистичности, описанный К. Юнгом). Даже вполне сформировавшиеся науки – трансперсональную и экзистенциальную психологию – классическая психология в лучшем случае старается просто игнорировать.

Вековое стремление человека познать душу ясно указывает на то, что душа не может быть определена и описана в рамках каких-то общеизвестных, общепринятых понятий, хотя, с моей точки зрения, были выдающиеся мыслители, которые приблизились к пониманию души если не на уровне ее дефиниции, то по крайней мере на уровне описания. Душа – это, скорее, некий образ, символ, своеобразный ключ к пониманию духовного мира, переживаемый субъективно каждым конкретным человеком. К. Юнг писал: «В психологии я, прежде всего, отказался бы от мысли, что мы, современные люди, вообще в состоянии высказать что-либо “истинное” или “правильное” о сущности души. Лучшее, что мы можем сделать, – это *правдиво выразить*. “Правдиво выразить” – значит понять и подробно изложить субъективно данное. Один будет делать ударение на формировании данного и поэтому полагать себя творцом своего данного, другой будет выделять созерцание, а поэтому говорить о являющемся, при этом он сознает себя воспринимающим существом. Истина лежит, наверно, посередине: *правдивое выражение – это формирующее созерцание*» [9, с. 62].

Отсюда проистекает еще один факт, который должна принять классическая психология, если она признает душу объектом (или хотя бы некоторой отправной точкой) научных исследований, – законность результатов единичных исследований, ибо в таких исследованиях не может быть повторяемости и проверяемости, т. е. отказаться от безусловного доминирования принципа верифицируемости. Кстати говоря, невыполнение этого принципа, например, в области исследований трансперсональной или экзистенциальной психологии несколько не умаляет важность и достоверность результатов, полученных в них [10, 11]. Без принципа верифицируемости прекрасно обходились такие выдающиеся психологи, как, например, А. Маслоу [12], Г. Олпорт [13], К. Юнг [9, 14–16] и др.

А. Маслоу, в частности, писал: «Если изучение уникальности индивида не подходит для того, что мы называем наукой, то тем хуже для науки. Ей тоже придется претерпеть новое рождение» [12, с. 46]. И далее: «Возможно, самым важным из этих изменений, спровоцированных феноменологами и экзистенциалистами, является запоздалая революция в теории науки... есть множество других сил, которые также помогали разрушать официальную философию науки или “сайентизм”. Это не только картезианский раскол между субъектом

и объектом, который нужно преодолеть. Имеют место и другие радикальные изменения, которые стали необходимыми благодаря *включению души и непосредственного опыта в реальность* (курсив мой. – Г. П.), такая перемена будет воздействовать не только на психологию как науку, но и на другие науки» [12, с. 47].

Признание души в качестве ведущей категории психического с неизбежностью требует обращения к другому понятию, которое пока не получило должного статуса в психологии, – понятие «реальность».

В последние десятилетия большое количество ученых, работающих в разных научных областях – физике, астрономии, медицине, биологии, философии, психологии и др., обращаясь к феномену существования человека (и шире, человечества), все чаще задается вопросами, что такое реальность, в какой реальности живет человек, существует ли «предельная реальность», существует ли душа, что представляет собой феномен смерти и как все эти понятия связаны между собой. К таким ученым, например, можно отнести: Н. Бора [17], А. Госвами [18], С. Грофа [10], А. Маслоу [12], Р. Мэя [11], В. В. Налимова [19], Р. Пенроуза [20], К. Прибрама [21], К. Уилбера [22], Дж. А. Уилера [23], С. Л. Франка [24, 25], Э. Шредингера [26], К. Юнга [9, 14–16] и многих других.

На мой взгляд, из такого признания логично вытекает и ряд последствий, прежде всего признание существования души, что ведет, по сути, к признанию существования жизни после смерти. Отсюда и возникает ряд тех принципиально важных для психологии вопросов, которые я привел выше. Это вопросы о том, что такое жизнь, что такое смерть, в каких взаимоотношениях они находятся. И, наконец, наиболее важный основной вопрос – что вообще есть Реальность и можно ли постулировать существование «предельной Реальности».

Ответы на эти вопросы предполагают построение философских и психологических рассуждений о «предельной Реальности» в контексте ряда современных естественных наук, таких как квантовая физика, биология, химия и пр., с привлечением знаний из области телеологии, эсхатологии и теософии (в широком аспекте их толкования).

Можно полностью согласиться с В. Ф. Петренко, когда он пишет о том, что «в психологии в ходе развития науки и эволюции общественно-менталитета происходит изменение базовых философских и методологических понятий, таких как “реальность”, “пространство” и “время”, “детерминизм” и “причинность”, “сознание” и “бессознательное”, образующих категориальные рамки нашего миропонимания. Возникают методологические пересечения между миропонима-

нием и трактовкой реальности в физике (Н. Бор, В. Гейзенберг, А. Эйнштейн, А. Пуанкаре, В. Паули) и психологии коллективного бессознательного (К. Юнг, В. Паули)» [7, с. 355].

Конечно, можно взять в качестве предмета психологии сознание, как, например, это предлагал сделать В. П. Зинченко, или признать таковым психическое (в интерпретации К. Юнга), как предлагает В. А. Мазиллов. Однако в любом случае, что бы мы ни выбрали в качестве предмета психологии, без обращения к категории «реальность» ничего принципиально не изменится. Попутно замечу, что психическое как предмет психологии дает большую свободу для проведения исследований, поскольку представляет собой более широкое понятие, которое включает в себя и сознание. К тому же, как отмечает В. А. Мазиллов, попытка вернуть в науку психическое имплицитно предполагает обращение к категории реальности [5].

Задаваясь далеко не риторическими вопросами, что такое реальность, в какой реальности живет человек, существуют ли другие виды реальности, надо предварительно понять, что вообще заставляет людей сомневаться в существующей реальности.

Прежде чем перейти к обсуждению понятия «реальность», рассмотрим коротко, как связано это понятие с феноменом веры. Всеобщий феномен веры состоит в том, что все люди верят! М. Бубер писал: «Есть два – и только два – образа (или типа) веры. Конечно, существует великое множество содержаний веры, но собственно вера известна нам лишь в двух основных формах. *Обе они проявляются в нашей повседневной жизни* (здесь и далее курсив мой. – Г. П.). Одна форма веры выражается в том, что я доверяю кому-либо, пусть даже у меня нет “достаточного основания” доверять этому человеку. Другая форма веры обнаруживается в том, что я, тоже без достаточного основания, признаю истинность чего-либо. *В обоих случаях невозможность обоснования указывает не на недостаток моих интеллектуальных способностей, а на существенную особенность моего отношения к человеку, которому я доверяю, или к содержанию, которое я признаю истинным.* Это отношение по самой сути своей не строится на “основаниях” и не следует из них» [27, с. 234].

Можно привести тысячи примеров, когда вера работает самым неожиданным, «чудесным» образом, заставляя человека сомневаться в своем «реальном» восприятии действительности. Очевидно, что такие сомнения возникают у него и тогда, когда он сталкивается с чем-то непонятным и необъяснимым. Например, многим людям доводилось переживать явления телепатии, ясновидения (синхронистичности, в терминологии К. Юнга), наблюдать явления пол-

тергейста, иметь осознанные сновидения, читать о заслуживающих доверия фактах переселения душ (реинкарнации) и многих других явлениях, на которые официальная наука не может дать вразумительного ответа.

Наконец, каждый человек на протяжении своей жизни размышлял о своей душе, задаваясь вопросами, а есть ли она, и если есть, то где находится. Если на все эти вопросы у науки нет убедительного ответа, значит, с тем, что мы называем реальностью, действительностью, что-то не так; значит, не все так просто в нашем бытии. Однако чем больше таких вопросов задает себе человек, тем лучше! С моей точки зрения, это своеобразный показатель духовного здоровья личности. Можно заметить, что вопросы о том, что такое смерть, душа, есть ли жизнь после смерти и пр., чаще всего задают себе дети и люди преклонного возраста, при этом первые еще не «испорчены благами цивилизации» и открыты любому новому опыту, а вторые, как бы заново пересматривая свою жизнь, ищут в ней смысл и возможность оценить прожитое. Можно сказать, что *каждый человек, пытаясь понять собственную душу на основе собственного опыта, пусть и неосознанно, создает свою психологическую теорию души.* Таким образом, ответ на большинство из этих вопросов можно получить только если определиться с главным понятием – с понятием «реальность».

Концепция реальности С. Л. Франка: «идеальные» элементы бытия и «душевные» явления

На рубеже XIX–XX вв. жил и творил выдающийся русский философ (я бы добавил – и психолог) Семен Людвигович Франк, как мне кажется, недооцененный не только своими современниками, но и потомками. Именно его концепцию реальности я и постараюсь здесь изложить в самом общем виде, поскольку считаю, что его видение реальности позволяет, оставаясь в рамках научных методов, дать объяснение тем психическим феноменам, которые до сих пор не может объяснить современная классическая психология, в том числе и поэтому оставаясь в глубоком методологическом кризисе. Кроме того, его концепция реальности хорошо согласуется с большинством феноменов, открытых и описанных в квантовой физике, а также с понятиями «коллективного» и «личного» бессознательного К. Юнга [28]. По сути, материал этой статьи представляет собой попытку психологического осмысления философской концепции реальности С. Л. Франка [24, 25].

Важность поставленных выше вопросов подчеркивал С. Л. Франк, который писал: «Так все мы – сознаем ли мы это или нет – всю нашу жизнь заняты разрешением вопроса: “что на

самом деле *есть?*». И практическая потребность правильно ориентироваться в окружающем нас мире, и отмеченное Аристотелем присущее всякому человеку бескорыстное влечение к знанию – одинаково присутствующее и в простом детском любопытстве, и в любознательности ученого и мыслителя, – вынуждают нас непрерывно ставить этот вопрос» [25, с. 8].

В философии С. Л. Франка реальность, или то, что подлинно есть, образуется из того, с чем человек вступает в соприкосновение во внешнем мире, а также из того, что он воспринимает как антитезу, рожденную в познавательной сфере личности, из того, что он может отнести к своему опыту. Именно такую реальность С. Л. Франк называет «эмпирической реальностью». В этой реальности он выделяет «... субъективный элемент – прихотливую, лишенную устойчивости игру наших представлений, мыслей, образов, в значительной мере зависящую от нас самих и различную в каждом индивидуальном сознании (здесь и далее курсив мой. – Г. П.), и элемент объективный, всем одинаково данный – с неумолимой необходимостью требующий признания. Этот объективный элемент в своей совокупности образует эмпирическую (данную через опыт. – Г. П.) действительность – *общий всем нам мир*, с которым мы вынуждены считаться, как с чем-то, что фактически подлинно есть» [25, с. 8–9].

Однако, с позиции С. Л. Франка, эмпирическая действительность не может быть сведена только к ансамблю всего внешнего по отношению к нам, к тому, что мы обычно называем материальным миром. Здесь вопреки материалистической парадигме он включает в состав эмпирической действительности то, что не дано нам в наших познавательных процессах (восприятии, ощущениях), – он включает в состав эмпирической действительности феномены «душевной» жизни человека. Трудно возразить С. Л. Франку в том, что «душевные» явления даны нам так же объективно, как и явления окружающего мира.

Действительно, например, нам иногда труднее преодолеть чье-то упрямство или негативное отношение (как проявление именно «душевных» свойств), чем какие-то физические препятствия. «Материальные и душевные явления – по крайней мере в некоторых частях бытия неразрывно между собой сплетенные – совместно и с равным правом входят в состав “эмпирической действительности”, того, что подлинно есть, т. е. что предстоит нашему умственному взору как окружающая нас ... “внешняя” реальность» [25, с. 10].

С моей точки зрения, отнесение явлений душевной жизни к структуре эмпирической действительности является одним из ключевых моментов в концепции реальности, разработанной С. Л. Франком. Необходимо особо отметить,

что, разрабатывая свою концепцию реальности, С. Л. Франк принципиально не обсуждает «основного» вопроса философии (о первичности или вторичности материи). Уже здесь проявляется существенное отличие в толковании душевных (читай – психических) явлений от того, как они трактуются в классической психологии. Там, как известно, они рассматриваются как «идеальные явления», которые противопоставляются всему объективно существующему миру («внешней реальности»). Кроме того, он подчеркивает несостоятельность материализма как философской концепции, которая отождествляет окружающую действительность с подлинным бытием. В связи с важностью этого момента рассмотрим его более подробно.

Только на первый взгляд, пишет С. Л. Франк [25], кажется, что наш собственный внутренний мир (душевная жизнь) принципиально отличается от внешнего, от «объективной» действительности. Однако поскольку наш собственный внутренний мир может выступать как предмет познания или наблюдения, он с полным правом может быть отнесен к составу эмпирической действительности.

Здравый смысл (обыденное мышление) подсказывает нам, что все наши мысли есть нечто субъективное, не имеющее отношения к окружающему объективному миру. В действительности это не так. Например, очень часто наши переживания так же доступны для наблюдения со стороны, как и нам вполне доступно наблюдать реальные переживания других людей подобно тому, как мы наблюдаем какие-то внешние вещи и явления. Часто «плохой» (или «хороший») характер другого человека нам приходится совершенно объективно учитывать в наших действиях и поступках. Оказывается, что характер другого человека вполне «реальная вещь». Поэтому что считать «объективным», а что «субъективным» зависит, скорее всего, от той ситуации, в которой мы находимся. Интересно, что подобную точку зрения высказывал и А. А. Ухтомский, который считал, «что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное» [цит. по: 3, с. 209].

Именно такие проявления «субъективности» мы вправе отнести к тому, что можно обозначить как «эмпирическая реальность». Фактически мы на опыте (эмпирически) познаем внутренний мир другого человека, понимая при этом, что он (этот субъективный внутренний мир) обладает тем же важным свойством, что и другие материальные объекты окружающего мира, – в большинстве случаев они *независимы от нас*. С. Л. Франк пишет: «Познавая мою душевную жизнь, я так же *должен отличать то, что в ней подлинно опытно есть, от того, что я только воображаю или что мне кажется* (курсив мой. – Г. П.); и я так же могу находить в ней нечто новое, доселе

мне неизвестное. Этого уже достаточно, чтобы увидеть в ней составную часть того, что я называю “эмпирической действительностью”, т. е. того, что “дано” мне в опыте как нечто подлинно сущее и лишь констатируемое мною» [25, с. 11].

Из этого можно заключить, что эмпирическая действительность состоит из двух планов (факторов, подсистем): во-первых, из того, что человек воспринимает (опытно) посредством своих познавательных процессов (прежде всего ощущений, восприятий различной модальности), т. е. из разного рода материальных явлений, и во-вторых, из того, что он воспринимает тоже опытно, но уже относящегося не к материальным феноменам, а к тем субъективным явлениям, которые обозначены здесь как явления «душевные».

Вместе с тем, как отмечает С. Л. Франк [25], этим содержание окружающей нас действительности не исчерпывается, все несколько сложнее. Чтобы понять эту сложность, он предлагает выделить тот основной признак, который отделял бы для нас то, «что подлинно есть», от всего остального, что только кажется нам или воображается. Суть этого дифференцирующего признака состоит в следующем: подлинно есть то, на что направлено внимание («умственный взор») человека, что предстает перед ним как объект, который он может устанавливать, регистрировать (измерять), и именно этим подлинно существующий объект отличается от всего остального, кажущегося, предполагаемого. В связи с этим он указывает, что важно различать понятия «эмпирическая действительность» и «объективная действительность». «Объективная действительность», кроме совокупности эмпирически данных фактов, содержит в себе еще так называемую форму, а форма как «идеальный» элемент открывается только посредством мыслительных процессов (интеллектуального созерцания).

Понятие «формы», о которой говорил С. Л. Франк, является чрезвычайно важным для дальнейших наших рассуждений, поэтому требует более глубокого пояснения. Об «Идеях» как первичных идеальных элементах бытия, впервые упоминает Платон в своем знаменитом диалоге «Парменид» [29]. В немецкой классической философии И. Кант в своем основном произведении (в разделе «Трансцендентальная эстетика») характеризует время и как «чистую форму чувственного наглядного представления», и как «субъективное условие, под которым осуществляются в нас все наглядные представления» [30, с. 84]; оно (время) не приобретает в результате интеллектуального опыта человека, а дано ему изначально а priori. Время – это форма нашего внутреннего состояния, внутреннего чувства в процессе осуществления наглядного представления. Таким образом, время только присутствует в опыте человека как некая атрибуция (неотъемлемое свойство) этого объек-

та. Помимо этого, к идеальным элементам И. Кант относит также «отношения», «причинно-следственные связи», «качество» и пр. Все они, входя в состав объективной действительности, создают «форму» объекта, однако в нашем опыте они присутствуют специфически, не как сам объект.

Как отмечал С. Л. Франк, «перечень этих “формальных” элементов бытия, намеченный Кантом, должен быть восполнен еще отношениями или формами чисто “логическими”. Такие отношения, как тождество, различие, логическое подчинение (отношение между родом и видом), отношение основания и следствия, – хотя на первый взгляд и кажутся принадлежащими не самим объектам, а нашей мысли о них и обычно в так называемой “формальной логике” – излагаются как “законы мышления”, – для непредвзятого восприятия объективной картины бытия также оказываются входящими в ее состав, принадлежащими к тому, что “подлинно есть”... совершенно очевидно, что идеальные элементы опытно данного не в меньшей мере входят в состав объективной действительности, чем элементы чувственного или вообще конкретно данного ее материала. Именно учитывая наличность этих идеальных элементов, целесообразно заменить при обозначении того, что “подлинно есть” (здесь и далее курсив мой. – Г. П.), термин “эмпирическая действительность” – термин, в котором ударение лежит обычно на том, что дано нам чувственно или конкретно, т. е. на “материале” бытия, – термином “объективная действительность”» [25, с. 13–14].

До сих пор в концепции С. Л. Франка понятие «объективная действительность» анализировалось как нечто первичное, неразложимое, безграничное, включающее в себя все многообразие конкретных вещей и феноменов. Вне этой действительности признается только наличие мира субъективных явлений, под которыми чаще всего понимают ошибочные представления и суждения конкретного человека. При таком подходе понятия «окружающая действительность» и «подлинное бытие» выступают как синонимы. Вместе с тем, как писал С. Л. Франк, этому подходу в истории философской мысли противостоит другой подход, который развивал Платон. Важнейшие расхождения между этими подходами как раз и связаны с разным пониманием смысла описанных выше «идеальных» элементов бытия.

Обыденное мышление подсказывает, что все мировое бытие протекает во времени, однако его идеальные формы обладают совершенно иным свойством. Различные корреляции, причинно-следственные связи между феноменами, подобия и пр. – все это не возникает и не исчезает, а существует вне времени. Они существуют в каком-то совершенно ином измерении бытия, нежели все конкретное бытие мира. Если мы,

например, представляем себе какой-либо цвет, то понимаем, что данный цвет (именно как цвет) существует независимо от того, что в составе каких-то конкретных вещей он может смениться каким-то другим цветом. Таким образом, идеальный элемент бытия имеет как бы две стороны: с одной стороны, он входит в состав объективной действительности, а с другой – существует совершенно независимо от того, что присутствует в составе «объективной действительности». Это открытие Платона, как отмечает С. Л. Франк, обладает такой очевидной убедительностью, что никакие сомнения и возражения не могут его опровергнуть.

Однако подобная «очевидная убедительность» входит в противоречие с обыденным сознанием, опирающимся на здравый смысл, для которого окружающая действительность всегда связана с конкретным пространством и временем и все, что не обладает этими пространственно-временными атрибутами, относится человеком к плодам воображения или фантазирования. «Когда умственный взор ограничен восприятием материальных вещей, не трудно “доказать”, что все сущее есть материя, – просто потому, что под “подлинно сущим” заранее разумеется существующее по образцу материальной вещи, и потому все остальное содержание представляется только “субъективным измышлением”» [25, с. 19].

Выше было отмечено, что, по И. Канту, время, как и вообще все, что относится к «форме», – это проявление нашего внутреннего состояния, внутреннего чувства и поэтому принадлежит к идеальному, субъективному миру. Однако свое реальное претворение «форма» имеет в объективной действительности, безусловно обладающей временными атрибутами. И. Кант писал: «...наше истолкование устанавливает эмпирическую реальность времени, т. е. объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам. А так как наше наглядное представление всегда имеет чувственный характер, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, не подчиненный условию времени» [30, с. 88].

Все вышесказанное позволяет нам осмыслить тот факт, что «объективная действительность» даже при самой широкой трактовке этого понятия все же не исчерпывает собою бытия. Всякой «объективной действительности» мы вынуждены противопоставить более широкое понятие реальности, в состав которой входит не только сама эта действительность, но и еще сверхвременное, «идеальное» бытие.

Само название «идеальное» носит отпечаток этой двойственности: с одной стороны, «Идея» (в платоновском смысле) отражает какую-то реальность, что-то объективно существующее, но с другой стороны, она выражает некий продукт

(объект) или явление самой нашей мысли. Именно отсюда, как считает С. Л. Франк, возникает соблазн относить такое идеальное содержание к чисто «субъективным» продуктам наших мыслительных процессов, отрицая за ними объективность как составными элементами подлинного бытия. «Стихия “мысли” (или “духа”), к составу которой принадлежит “мир идей”, сверхвременное идеальное бытие, есть не человеческий, фактически-психологический процесс мышления со всем, что в нем неизбежно “субъективно”; это есть именно универсальный элемент мысли или “идеальности” вообще, чуждый всякой субъективности (здесь и далее курсив мой. – Г. П.), – нечто, что мы с некоторым приближением можем мыслить, как некий универсальный разум» [25, с. 21].

Субъектная реальность как «живое знание»

Так подробно я остановился на анализе «идеальных элементов» потому, что, с моей точки зрения, они являются неким подобием того, что с древних времен называлось «полем Акаши» [31], или «миром идей» Платона [29], собственно «идеальными элементами», по И. Канту [30], «коллективным» и «личным» бессознательным, по К. Юнгу [15], «полем смыслов», по В. В. Налимову [19] и пр. Что объединяет все эти понятия? Их объединяет то, что *все эти феномены являются полями, созданными в том числе и в процессе антропогенеза и существующими независимо от него!*

Кроме знания, получаемого с помощью чувств и путем интеллектуального созерцания, писал С. Л. Франк, «мы обладаем *еще особым, и притом первичным, типом знания* (здесь и далее курсив мой. – Г. П.), который может быть назван *живым знанием* или *знанием-жизнью*. То, что мы испытываем как *нашу жизнь*, как бы само открывает себя нам, – открывается нашей мысли, неотделимо присутствующей в этой жизни ... по сравнению с этим первичным родом знания, мы ощущаем в установке предметного знания какую-то искусственную суженность и как бы выхолощенность сознания ... *Самое важное и существенное для нас знание есть не знание-мысль, не знание как итог бесстрастного внешнего наблюдения бытия, а знание, рождающееся в нас и вынашиваемое нами в глубине жизненного опыта*, – знание, в котором как-то соучаствует все наше внутреннее существо. Мысль, в форме предметного познания, может только задним числом, производно накладываться на фундамент этого живого знания» [25, с. 23].

Идею о важности знания, рождающегося в глубине жизненного опыта, разделял и Р. Мэй, который, цитируя Пауля Тиллиха, писал: «Как американские философы Уильям Джеймс и Джон

Дьюи, так и философы-экзистенциалисты отказались от идеи о «рациональном» мышлении, отождествляющем Реальность с объектом мысли, с отношениями или «сущностями», в пользу такой Реальности, какой человек ее воспринимает непосредственно в своей действительной жизни. Следовательно, они заняли место рядом с теми, кто рассматривает *непосредственный опыт человека как более полное открытие сущности и отдельных черт Реальности, чем познавательный опыт человека* (курсив мой. – Г. П.)» [11, с. 10].

Главным моментом здесь является то, что бытие (то, что «подлинно есть») не исчерпывается не только «действительностью», оно не исчерпывается и «миром объектов» вообще в смысле их содержания. *Реальность как подлинное бытие имеет еще один более глубокий слой, в котором это подлинное бытие связано с нашим внутренним бытием (с нашим самосознанием, самостью) более близким, сокровенным отношением.* В этом его слое мы не только воспринимаем подлинное бытие как что-то внешнее по отношению к нам, но и понимаем всем нашим внутренним существом, что принадлежим к нему [25].

Итак, разрабатывая свою концепцию реальности, С. Л. Франк вводит понятие «живое знание», которое считает первичным знанием, рождающимся в нас, которое вынашивается нами в глубине нашего жизненного опыта. Кроме того, он приходит к заключению, что в структуру «обобщенной» реальности, наряду с внешней по отношению к познающему субъекту «объективной действительностью», включающей в себя сверхвременное (вневременное) «идеальное» бытие, входит еще и некий более глубокий слой бытия, в котором субъект не только воспринимает подлинное бытие как что-то внешнее по отношению к себе, но и понимает, что всем своим существом принадлежит к этому глубинному слою.

Для того чтобы лучше понять, что представляют собой наше «живое знание» и этот «глубинный слой бытия», нам необходимо проанализировать еще один аспект реальности – *реальность самого субъекта.*

Для большинства людей понятие «живое знание» странно и непостижимо – действительно, что может еще знать человек, кроме того, что дано ему в его ощущениях? На этот вопрос С. Л. Франк дает простой и совершенно очевидный ответ: «...за пределами всего мира объектов знания остается, по крайней мере, *сам умственный взор, на него направленный.* И в лице этого умственного взора мы имеем какую-то таинственную, нелегко определимую реальность его носителя или источника, которая дана нам иначе, чем все объекты знания» [25, с. 24].

Известно, что впервые субъективную реальность, располагающуюся вне окружающей нас действительности, описал Р. Декарт, отразив

ее в своем знаменитом тезисе – *cogito ergo sum* («мыслю, значит существую»). Именно этот тезис дает прочную основу абсолютно истинному знанию (мы можем сомневаться относительно достоверности знания любого внешнего объекта или явления, но не можем сомневаться в том, что мы мыслим, что наша мысль реальна). Не вдаваясь в философский анализ дуалистической концепции Декарта, можно отметить только, что по существу здесь открывается особая реальность, принципиально отличная от объективной действительности, причем эта реальность обычно не замечается нами только потому, что она совпадает с нами самими. *Это реальность, в которой «объект» совпадает с «субъектом».* Подобную точку зрения разделяет и Э. Андерхилл, отмечая, что когда чувственный (практический) опыт человека перерастает в сверхчувственный, возникает особое расширение границ его существования, ведущее в ту безграничную жизнь, где *«субъект и объект, желающий и желаемое есть одно»* [32, с. 83], при этом оно указывает, что «трудно определить ту точку, в которой эти два опыта сходятся, хотя их разделяет не четкая линия, а бесконечный ряд градаций» [32].

Развивая мысль Декарта, С. Л. Франк дает углубленное определение этой особой первичной реальности, которую он обозначил как «живое знание». Он пишет: «По первичному своему характеру это есть реальность, которая вообще не *предстоит* нам в роли объекта, на которую направлена мысль, – не есть нечто, с чем мы извне «встречаемся». Мы «имеем» ее в той совершенно особой форме, что сами *есмы* то, что мы имеем. Это есть реальность, открывающаяся самой себе – открывающаяся не в силу того, что кто-то другой на нее смотрит, а в силу того, что *самое ее бытие есть непосредственное бытие-для-себя, самопрозрачность* (курсив мой. – Г. П.). Другими словами, эта реальность открывается нам в указанной выше форме живого знания» [25, с. 25–26].

В историческом плане открытие этой первичной реальности представлено в мистическом умозрении Плотина [33], непосредственно повлиявшем на расширение философского горизонта Августина [34]. Его (Августина) изложение, отмечает С. Л. Франк, «не оставляет сомнения, что с открытием самодостоверности мыслящего “я” ему внезапно открылось некое *совершенно новое, глубинное измерение бытия* (здесь и далее курсив мой. – Г. П.), незамечаемое при обычной установке сознания, – та *первичная реальность, которая не вмещается ни в бесконечном пространстве, ни даже в том, что в обычном смысле называется душой человека, именно поскольку под ней разумеется некая особая составная часть мира* ... это есть реальность, выходящая за пределы всей ... системы объективной действительности и лежащая в основе последней. Она не предстоит нам

извне, а дана нам изнутри, как почва, в которой мы укоренены и из которой мы произрастаем» [25, с. 26–27].

Как отмечает С. Л. Франк, после Декарта эта реальность была заново открыта И. Кантом, обнаружившим относительность понятия «объективной действительности», И. Г. Фихте [35] и Г. В. Ф. Гегелем [36], для которого подлинная предельная реальность существует как глубинный и первичный «дух». Таким образом, основной вывод из этого философского взгляда состоит в том, что не «объект», а сам «субъект» в его непосредственной данности самому себе есть «откровение подлинного существа реальности». При этом самым ценным остается «поворот сознания извне вовнутрь», в силу которого суть реальности открывается не так, как эта реальность извне предстает в качестве «объективной действительности», а так, как она есть и обнаруживается *в живых глубинах самосознания*.

Именно потому, что живое знание открывает нам глубинное измерение бытия, недоступное объективному, предметному познанию, совершенно безнадежна попытка охватить бытие в его целостности, понять его до конца, оставаясь в пределах познания «объективной действительности» и строя «систему онтологии». Современный «экзистенциализм», пишет С. Л. Франк, имеет тот положительный момент, что он еще раз акцентировал внимание на том, что «экзистенция» (бытие данной личности здесь и сейчас) и есть собственно реальность, которой стараются не замечают философы, ставящие своей главной задачей исследовать бытие только в форме объективной действительности. «Это непосредственное, первичное самобытие есть реальность, в лице которой человек выходит за пределы “мира” – в широком общем смысле всей объективной действительности – и открывает совершенно новое измерение бытия – то измерение, в котором он наталкивается на его последние глубины и непосредственно имеет их в себе» [25, с. 32].

Итак, реальность субъекта состоит в том, что не «объект», а сам «субъект» в его непосредственной данности самому себе есть «откровение подлинного существа реальности». Теперь, основываясь на концепции С. Л. Франка, введем понятие «субъектная реальность». *Под субъектной реальностью будем понимать первичную реальность, которая не вмещается ни в объективную действительность, ни даже в то, что в обычном смысле называется душой человека, и которая дана нам изнутри, как почва, в которой мы укоренены и из которой мы произрастаем.*

Кратко определение субъектной реальности можно сформулировать так: *субъектная реальность – это та форма (живой) реальности, через которую жизнь познает сама себя.*

В лице субъектной реальности человек, трансцендируя за пределы объективной действительности, открывает совершенно новое измерение бытия, в котором он, наталкиваясь на его глубины, непосредственно имеет их в себе.

По сути, субъектная реальность представляет собой нашу «самость», наше подлинное «самосознание». Еще раз хочу подчеркнуть, что эта субъектная (первичная для самого субъекта) реальность содержит в себе и другие виды реальности, в частности и ту, которую мы называем «объективной действительностью». Для того чтобы более ясно представить себе, как соотносятся между собой субъектная реальность и объективная действительность, необходимо прояснить еще два обстоятельства.

Хочу обратить внимание на два примечательных факта: первый касается того, что С. Л. Франк в своей концепции реальности пока говорит только о «душевных» явлениях и практически не использует термин «духовные явления» и, во-вторых, «живой внутренний опыт» человека он фактически приравнивает к «мистическому опыту», подчеркивая, что невозможно понять суть «живого внутреннего опыта» человека в отрыве от «духовности».

Субъект, писал С. Л. Франк, есть некая конкретная сфера реальности, это то, что человек называет своим «я»; он (субъект) представляет собой всю полноту живой реальности, которую он не наблюдает извне, а непосредственно имеет в себе как свою внутреннюю жизнь. Способность же субъекта направлять свое внимание вовне (субъект как носитель и «исходная точка умственного взора») есть только одна из функций внутренней жизни субъекта, но отнюдь ее не исчерпывающая [25].

Такое понимание субъекта позволяет говорить о том, что он может выступать (проявлять себя) в двух ипостасях (качествах): во-первых, в качестве «субъекта как носителя реальности», *т. е. непосредственно раскрывающейся себе жизни*, и во-вторых, в качестве «субъекта как активного наблюдателя», *проникающего своим умственным взором вовне, причем «субъект как активный наблюдатель», по своей сути, – это фактически только некоторая часть «субъекта как носителя (той) реальности», через которую он сам и раскрывается.*

Именно «субъект как активный наблюдатель» и является тем субъектом, который действует в объективной действительности и изучается классической психологией. Подчеркну еще раз, что «субъект как активный наблюдатель» – это только некоторая часть «субъекта как носителя реальности», представляющего собой, по сути, «субъектную реальность».

Итак, для С. Л. Франка «субъект» – это «жизнь, раскрывающаяся сама себе именно в качестве

субъекта». В содержание этой (живой) реальности входит «все, что я переживаю и что под иным, описанным выше углом зрения внешнего, объективного наблюдения является как “душевная жизнь”, – но при условии, что я переживаю и имею все это *слитым с неопикуемой глубиной, с той безусловной, первичной, себе самой данной реальностью* (курсив мой. – Г. П.), которую я называю моим “я”» [25, с. 33].

Замечу, что одним из понятных всем примеров такого рода переживаний *«интимного» содержания, которое есть именно то, что я испытываю как обнаружение внутренней реальности моего «я»*, на мой взгляд, являются знакомые почти каждому человеку «угрызения совести».

Разведение понятий «душевной» и «духовной» жизни позволяет глубже осмыслить сам феномен «субъектности», узреть его корни. В частности, появляется возможность выдвинуть гипотезу о наличии двух видов субъектности – «внешней» и «внутренней» – и дать им определение.

«Внутреннюю» субъектность можно определить как те переживания и духовные движения, которые человек осознает как бы живущими в нем, возникающими изнутри, из глубин его «я» и направленными на активное познание той своеобразной, самораскрывающейся, сущей для него реальности, которую он и называет своим «я» (или «самосознанием», «самостью»), а соответственно, *«внешнюю» субъектность* – как те же переживания и душевные движения, но направленные на активное познание внешней для него, объективной действительности. Очевидно, что в данном случае *«внутренняя» субъектность* соотносится с ипостасью «субъекта как носителя реальности», а *«внешняя» субъектность* – с ипостасью «субъекта как активного наблюдателя».

Известно, что термины «субъект» и «субъектность» стали особенно востребованными в отечественной (классической) психологии на рубеже XX–XXI вв. (вспомним хотя бы работу А. В. Брушлинского [37]); однако субъектность в ее классическом понимании относится только к тому, что я обозначил как «внешнюю» субъектность (или к субъекту «активному наблюдателю»). Становится понятно, что «внешняя» субъектность определяет проявление личности по отношению к социуму, когда она (личность) выступает в ипостаси «субъекта деятельности» или «субъекта общения»; в то же время «внешняя» субъектность никогда не может проявить личность в качестве «субъекта духовного развития». *Только «внутренняя» субъектность («субъект как носитель реальности»), актуализируя самость человека, может сформировать его как «субъекта духовного развития».*

Вместе с тем, как отмечает С. Л. Франк, различия между понятиями «духовная» и «душевная» жизнь достаточно относительны. Одно

и то же переживание может носить и духовный, и душевный характер – все зависит от того, какой пласт (слой) внутренней жизни человека оно затрагивает. Из этого следует, что не существует никаких объективных критериев для дифференциации этих понятий. *Только сам субъект способен осознать изнутри это отличие* как отличие его внутренней реальности от того поверхностного слоя, которым, по выражению С. Л. Франка, «как бы только извне облеплено это интимное ядро его “я” и который, хотя и принадлежит ему, не составляет его внутреннего бытия ... то, что мы называем “духовной жизнью”, есть лишь иное обозначение для жизни, воспринимаемой как подлинная непосредственная самораскрывающаяся *реальность*, – в ее отличии от всякой объективной действительности – и физической, и психической» [25, с. 35]. При этом не надо думать, что такая характеристика этой реальности, как «самораскрывающаяся», предполагает ее легкую доступность для самого человека. Все как раз совсем наоборот: чтобы ее постигнуть, человеку требуется проделать огромную, прежде всего духовную работу над своей личностью.

Заключение

Нельзя не согласиться с С. Л. Франком в том, что подавляющее большинство людей (особенно в наше время) даже понятия не имеют, что истинная основа их бытия есть тот глубинный слой, который называется «духовная жизнь». Все их внимание направлено вовне, на восприятие объективной действительности. Обладая сознанием (и самосознанием), они, естественно, осознают и переживания своей душевной жизни как некоего комплекса явлений и процессов, однако, *они лишены подлинного самосознания, поскольку от их внимания ускользает их «я», их «самость» как совершенно особая, ни с чем иным не сравнимая первичная «субъектная реальность».* Когда же в результате какого-то экстраординарного события, произошедшего в их жизни (например, потеря близкого человека, клиническая смерть, экстагический религиозный или медитативный опыт), они ее раскрывают, это открытие носит характер откровения. Именно тогда человек и обнаруживает, что его столь обычное, привычное ему «я» имеет конкретную полноту и субстанциальную глубину, в силу которой оно (это «я») есть носитель некой самобытной, скрытой от взоров мира, таинственной и совершенно своеобразной – именно *«сверхмирной» субъектной реальности.* Однако, увы, обыденное сознание ориентировано, как правило, только на отражение «объективной действительности» (что, собственно, и утверждается в классической психологии).

Библиографический список

1. Супрун А. П., Янова Н. Г., Носов К. А. Метапсихология : Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. 3-е изд. М. : Ленанд, 2010. 512 с.
2. Асмолов А. Г. Психология современности : вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования (электронный журнал). 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 207–231.
4. Козлов В. В., Бубеев Ю. А. Измененные состояния сознания. Системный анализ [Электронный ресурс]. Саратов : Вузовское образование, 2014. 281 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/18325> (дата обращения: 21.04.2019).
5. Мазюков В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 1. С. 23–34.
6. Мазюков В. А. Стены и мосты : методология психологической науки. Ижевск : ERGO, 2015. 196 с.
7. Петренко В. Ф., Супрун А. П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 380 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
9. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс, 1994. 336 с.
10. Гроф С. За пределами мозга. М. : Изд-во Московского трансперсонального центра, 1993. 504 с.
11. Мэй Р. Происхождение экзистенциальной психологии // Экзистенциальная психология. М. : Апрель-пресс ; ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. С. 9–41.
12. Маслоу А. Экзистенциальная психология – что в ней есть для нас? // Экзистенциальная психология. М. : АПРЕЛЬ-ПРЕСС ; ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 42–48.
13. Олпорт Г. Становление личности : Избранные труды. М. : Смысл, 2002. 462 с.
14. Юнг К. Г. Дух и жизнь. М. : Практика, 1996. 560 с.
15. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб. : Университетская книга, 1997. 544 с.
16. Юнг К. Г. Об энергетике души. 3-е изд. М. : Академический проект, 2013. 280 с.
17. Фок В. А., Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н., Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI, вып. 4. С. 436–457.
18. Госвами А. Физика души. Квантовая книга жизни, умирания, перевоплощения и бессмертия. М. : Постум, 2013. 352 с.
19. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. 3-е изд. М. : Академический проект ; Парадигма, 2011. 399 с.
20. Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинз С. Большое, малое и человеческий разум. СПб. : Амфора, 2008. 191 с.
21. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные исследования и принципы нейропсихологии. М. : Прогресс, 1975. 464 с.
22. Уилбер К. Проект Атман : Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М. : АСТ, 2004. 314 с.
23. Уилер Дж. А. Предвидение Эйнштейна / под ред. К. П. Станюковича. М. : Мир, 1970. 112 с.
24. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб. : Наука, С.-Петербург. отделение, 1995. 633 с.
25. Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.
26. Шредингер Э. Мой взгляд на мир. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 152 с.
27. Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995. 464 с.
28. Прыгин Г. С. Неклассическая психология : психология субъектной реальности. Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2018. 268 с.
29. Платон. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. 626 с.
30. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 655 с.
31. Ласло Э. Опыт Акаши. М. : Постум, 2015. 304 с.
32. Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. М. : Невалина ; Киев : София, 2000. 496 с.
33. Плотин. Вторая эннеада. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. 384 с.
34. Блаженный Августин. Исповедь. СПб. : Наука, 2013. 379 с.
35. Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М. : Ладомир, 1995. 644 с.
36. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. 4-е изд. М. : Академический проект, 2018. 494 с.
37. Брушлинский А. В. Целостность объекта – основание для системности всех его качеств // Психологическая наука в России XX столетия : проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М. : ИП РАН, 1997. С. 559–570.

Образец для цитирования:

Прыгин Г. С. Субъектная реальность как новая парадигма психологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 3 (31). С. 217–229. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-217-229>

Subject Reality as a New Psychological Paradigm

Gennady S. Prygin

Gennady S. Prygin, <https://orcid.org/0000-0001-6525-0068>, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 28 Nizametdinova St., Naberezhnye Chelny 423812, Republic of Tatarstan, Russia, gsprygin@mail.ru

The purpose of the study is to theoretically substantiate one of the possible ways for classical psychology to emerge from methodological crisis, relying on a fundamentally new paradigm that allows creating a holistic concept of psychology. It has been noted that over the last decades, a large number of scientists working in various scientific fields, while addressing the phenomenon of human existence, increasingly pose the following questions: what is reality, what reality does a person live in, is there an "ultimate reality" and how are all these concepts interrelated? The answers to these questions presuppose the construction of philosophical and psychological arguments concerning the «reality.» The concept of reality by S.L. Frank is viewed as such a methodological paradigm remaining within the framework of scientific methods and allowing to give an explanation to those psychic phenomena that still cannot be explained by modern classical psychology. Based on this concept, we can introduce the concept of "subjective reality", which is understood as the form of (living) reality through which life perceives itself. It has been shown that within subjective reality, a person that is going beyond the limits of objective reality, opens up a completely new dimension of being. In essence, subjective reality represents our "self", and our true "self-consciousness". The concepts of «mental» and «spiritual» phenomena are discussed and the need to distinguish between them is emphasized in the study. New concepts of the subject are introduced and discussed. Among them are "the subject as a carrier of reality" and "the subject as an active observer". It is hypothesized that there are two types of subjectivity, i.e. "external" and "internal" subjectivity. "Internal" subjectivity is defined as experiences and spiritual movements that a person realizes. They arise from within, from the depths of his/her "self" and are aimed at active cognition of the reality existing for him, which he/she calls his "self" ("self-consciousness", "self"). Accordingly, "external" subjectivity defines those experiences and spiritual movements that are aimed at active cognition of objective reality, which is external to him/her. At the same time, "internal" subjectivity correlates with the hypostasis of the "subject as the carrier of reality", while "external" subjectivity correlates with the hypostasis of the "subject as an active observer".

Keywords: subjective reality, objective reality, subject as a carrier of reality, subject as an active observer, mental phenomena, spiritual phenomena, internal subjectivity, external subjectivity.

References

- Suprun A. P., Yanova N. G., Nosov K. A. *Metapsikhologiya: Relyativistskaya psikhologiya. Kvantovaya psikhologiya. Psikhologiya kreativnosti* [Metapsychology. Relativistic Psychology. Quantal Psychology. Psychology of Creativity]. 3rd ed. Moscow, Leland Publ., 2010. 512 p. (in Russian).
- Asmolov A. G. Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (accessed 15 March 2019) (in Russian).
- Zinchenko V. P. Consciousness as Subject and Deal of Psychology. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 2006, vol. 1, iss. 1, pp. 207–231 (in Russian).
- Kozlov V. V., Bubeyev Yu. A. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya. Sistemnyy analiz* (Altered State of Consciousness. System Analysis). Saratov, 2014. 281 p. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/18325> (accessed 24 April 2019) (in Russian).
- Mazilov V. A. Methodological Problems of Psychology in Beginning of XXI century. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2006, vol. 27, no. 1, pp. 23–34 (in Russian).
- Mazilov V. A. *Steny i mosty: metodologiya psikhologicheskoy nauki* [Walls and Bridges: Methodology of Psychological Science]. Izhevsk, ERGO Publ., 2015. 196 p. (in Russian).
- Petrenko V. F., Suprun A. P. *Metodologicheskiye pere-secheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki* [Methodological Crossings between Psycho-Semantic of Consciousness and Quantal Physics]. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 380 p. (in Russian).
- Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p. (in Russian).
- Yung K. G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of Soul at Our Time]. Moscow, Progress Publ. Gr.; Univer Publ., 1994. 336 p. (in Russian).
- Grof S. *Za predelami mozga* [Exteriority of Brain]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo transpersonal'nogo tsentra, 1993. 504 p. (in Russian).
- Mey R. Proiskhozhdeniye ekzistentsial'noy psikhologii [Origin of Existential Psychology]. In: *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential Psychology]. Moscow, APREL'-PRESS Publ.; EXMO-Press Publ., 2001, pp. 9–41 (in Russian).
- Maslou A. Ekzistentsial'naya psikhologiya – chto v ney est' dlya nas? [Existential Psychology – What Is There in It for Us?]. *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential Psychology]. Moscow, APREL'-PRESS Publ.; EXMO-Press Publ., 2001, pp. 42–48 (in Russian).
- Olport G. *Stanovleniye lichnosti: Izbrannyye Trudy* [Establishing Personality: Selected Works]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 462 p. (in Russian).
- Yung K. G. *Dukh i zhizn'* [Spirit and Life]. Moscow, Praktika Publ., 1996. 560 p. (in Russian).
- Yung K. G. *Soznaniye i bessoznatel'noye* [Consciousness and Unconsciousness]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 544 p. (in Russian).
- Yung K. G. *Ob energetike dushi* [About Energy of Soul]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 280 p. (in Russian).
- Fok V. A., Eynshteyn A., Podol'skiy B., Rozen N., Bor N. Can We Consider That Quantal-Mechanic De-

- scription of Physical Reality Is Full? *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Successes of Physical Sciences], 1936, vol. XVI, iss. 4, pp. 436–457 (in Russian).
18. Gosvami A. *Fizika dushi. Kvantovaya kniga zhizni, umiraniya, perevoploshcheniya i bessmertiya* [Physics of Soul. Quantal Book of Living, Dying, Reincarnation and Immortality]. Moscow, Postum Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
 19. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness. Stochastic Theory of Senses and Semantic Architectonic of Personality]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2011. 399 p. (in Russian).
 20. Penrouz R., Shimoni A., Kartrayt N., Khoking S. *Bol'shoye, maloye i chelovecheskiy razum* [Big, Little and Human Brain]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008. 191 p. (in Russian).
 21. Pribram K. *Yazyki mozga. Eksperimental'nyye issledovaniya i printsipy neyropsikhologii* [Languages of Brain. Experimental Researches and Principles of Neuropsychology]. Moscow, Progress Publ., 1975. 464 p. (in Russian).
 22. Uilber K. *Proyekt Atman; Transpersonal'nyy vzglyad na chelovecheskoye razvitiye* [Atman Project. Transpersonal View of Human Development]. Moscow, AST Publ., 2004. 314 p. (in Russian).
 23. Uiler Dzh. A. *Predvideniye Eynshteyna* [Einstein's Foresight]. Ed. K. P. Stanyukovich. Moscow, Mir Publ., 1970. 112 p. (in Russian).
 24. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [Human Soul. Experience of Introduction into Philosophical Psychology]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 633 p. (in Russian).
 25. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and Person]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 479 p. (in Russian).
 26. Shredinger E. *Moy vzglyad na mir* [My View of World]. Moscow, LIBROKOM Bh., 2009. 152 p. (in Russian).
 27. Buber M. *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 464 p. (in Russian).
 28. Prygin G. S. *Neklassicheskaya psikhologiya: psikhologiya sub'yektnoy real'nosti* [Non-Classic Psychology: Psychology of Subject Reality]. Naberezhnyye Chelny, Izdatel'stvo NGPU, 2018. 268 p. (in Russian).
 29. Platon. *Sochineniya: v 4 t.* [Writings: in 4 vols.]. By total ed. A. F. Losev, V. F. Asmus. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ.; Oleg Abyshko Publ., 2007, vol. 2. 626 p. (in Russian).
 30. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 655 p. (in Russian).
 31. Laslo E. *Opyt Akashi* [Akashi's Experience]. Moscow, Postum Publ., 2015. 304 p. (in Russian).
 32. Anderkhill E. *Mistitsizm. Opyt issledovaniya prirody i zakonov razvitiya dukhovnogo soznaniya cheloveka* [Mysticism. Experience of Researching Nature and Laws of Development of Human Spiritual Consciousness]. Moscow, Kiev, Sofia, 2000. 496 p. (in Russian).
 33. Plotin. *Vtoraya enneada* [The Second Ennead]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2004. 384 p. (in Russian).
 34. Avgustin Blessed. *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 379 p. (in Russian).
 35. Fikhte I. G. *Sochineniya (raboty 1792–1801 gg.)* [Writings. Works of 1792–1801]. Moscow, Ladimir Publ., 1995. 644 p. (in Russian).
 36. Gegel' G. V. F. *Fenomenologiya dukkha* [Phenomenology of Spirit]. 4th ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 494 p. (in Russian).
 37. Brushlinskiy A. V. *Tselostnost' ob'yekta – osnovaniye dlya sistemnosti vsekh ego kachestv* [Entirety of Object as Foundation for Systematicity of All Its Qualities]. In: *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii* [Psychological Science in Russia of XX Century: Issues of Theory and History]. Ed. A. V. Brushlinskiy. Moscow, IP RAN Publ., 1997, pp. 559–570 (in Russian).

Cite this article as:

Prygin G. S. Subject Reality as a New Psychological Paradigm. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 3 (31), pp. 217–229 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-217-229>
